

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 1. С. 110–148.

Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 9, no. 1 (2025): 110–48.

Научная статья

УДК 930.85/930.253

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-1-4>

<https://elibrary.ru/qgfgac>

Рассмотрение дел по преступлениям «против телесной неприкосновенности» в провинциальных губерниях Российской империи во второй половине XIX – начале XX века

Александра Владимировна Спичак✉

Нижегородский государственный университет,

Нижегородск, Россия,

spichak-89@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2223-8039>

Aleksandra V. Spichak✉

Nizhnevartovsk State University,

Nizhnevartovsk, Russia,

spichak-89@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2223-8039>



Олеся Викторовна Ванюшина

Научно-исследовательский институт информационных технологий

Федеральной службы исполнения наказаний,

Тверь, Россия,

vanyushina_olesy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4754-725X>

Olesya V. Vanyushina

Research Institute of Information Technologies

of the Federal Penitentiary Service,

Tver, Russia,

vanyushina_olesy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4754-725X>



Юлия Александровна Кривошеева

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,

Ярославль, Россия,

y.krivosheeva@uniyar.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2116-1984>

Yulia A. Krivosheeva

P.G. Demidov Yaroslavl State University,

Yaroslavl, Russia,

y.krivosheeva@uniyar.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2116-1984>



© Спичак А.В., Ванюшина О.В., Кривошеева Ю.А., 2025

© Spichak A., Vanyushina O., Krivosheeva Yu., 2025

Аннотация. В статье на основе законодательных актов и неопубликованных материалов по Ярославской, Тверской и Тобольской губерниям рассматривается проблема супружеского насилия во второй половине XIX – начале XX века. Использовалась выборка дел, отложившихся в региональных архивах Тобольска, Твери, Ярославля, Рыбинска и Ростова, а также в Российском государственном историческом архиве, по таким преступлениям, как оскорбление действием, побои и истязания. Изучены дела волостных, уездных, мировых и окружных судов, что позволило представить особенности решения подобных дел в разных судебных учреждениях регионов. Описаны этапы судопроизводства в зависимости от учреждения, в котором рассматривалось дело, представлен анализ применения определенных статей законодательства о наказаниях. Выявлены главные причины супружеских конфликтов, основные поводы к проявлению агрессии со стороны мужей в отношении своих жен, озвученные в ходе следствия как пострадавшими, так и ответчиками. В изученных делах отмечено расхождение между достаточно суровыми мерами наказания, закрепленными в законодательстве по данному виду преступления, и относительно легкими реальными последствиями для виновных. Побои, не приведшие к серьезным повреждениям организма, не считались из ряда вон выходящим явлением семейной жизни и не наказывались действующим законодательством. Преступления, имевшие разную степень тяжести последствий, рассматривались в различных инстанциях, так, наиболее тяжелые и угрожающие жизни и здоровью доходили до окружных судов. Практика показывает, что далеко не все дела в итоге оканчивались наказанием жестоких мужей, достаточно часто женщинам приходилось примиряться с супругами. При отрицании умысла виновным и отсутствии доказательств систематичности побоев (например, с помощью показаний свидетелей, соседей) и тяжести ран привлечь подсудимых к серьезным наказаниям было практически невозможно.

Полноценному использованию женщинами своих прав на защиту препятствовали сформированный страх перед мужьями и уважение к традициям. Серьезной проблемой являлось положение женщины в семье после возвращения ее мужа домой по завершении срока наказания.

Ключевые слова: Тверская губерния, Ярославская губерния, Тобольская губерния, преступления, побои, истязания, нанесение вреда здоровью, супруги, окружной суд, мировой суд, этапы судопроизводства, наказания

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-78-10103 «Супружеские конфликты, методы их разрешения и предупреждения во второй половине XIX – начале XX вв. (межрегиональное исследование)»), <https://www.rscf.ru/project/22-78-10103/>.

Для цитирования: Спичак А.В., Ванюшина О.В., Кривошеева Ю.А. Рассмотрение дел по преступлениям «против телесной неприкосновенности» в провинциальных губерниях Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 1. С. 110–148, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-1-4>; EDN: QGFQAC

Consideration of Criminal Cases against Bodily Integrity in the Provincial Regions of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Century

Abstract. The article examines the issue of domestic violence in the second half of the 19th – early 20th century on the basis of legislative acts and unpublished materials of Tobolsk, Tver, and Yaroslavl governorates. The authors described criminal cases related to assault, beatings, and torture offences selected from those stored in the regional archives of Tobolsk, Tver, Yaroslavl, Rybinsk, and Rostov as well as the Russian State Historical Archive. Criminal cases considered by volost, uyezd, magistrate's, and district courts were analysed, which allowed the authors to understand the specifics of how those cases were solved by various regional judicial institutions. The authors described stages of the legal procedure depending on the court where cases were heard and presented an analysis of how certain articles of the Code of Penalties were applied. The main reasons for marital conflict and aggression of husbands towards their wives were identified through the perspectives of both sides (victims and defendants).

In the cases under consideration, a discrepancy was noted between the fairly strict legislation regarding this type of crime and the relatively light real consequences for the guilty party. Beatings that did not result in serious bodily harm were not considered an extraordinary occurrence in the family life and thus were not punished by current legislation. Crimes with varying degrees of severity of consequences were considered in various instances, so the most serious and life-threatening and health-threatening crimes reached district courts. Practice showed that not all cases resulted in any punishment of abusive husbands and women had to reconcile with their husbands. With the lack of intent of the guilty party and the absence of evidence of systematic beatings (for example, testimony from witnesses or neighbors) and the severity of injuries, it was practically impossible to secure serious penalties for defendants.

Fear of their husbands and respect for tradition prevented women from fully exercising their rights to protection. The position of women after the return of their husbands after serving a sentence was another serious problem.

Keywords: Tver Governorate, Yaroslavl Governorate, Tobolsk Governorate, crimes, beatings, torture, health damage, spouses, district court, magistrate's court, stages in legal procedure, penalties

Acknowledgments. This article has been prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (Project no. 22-78-10103 “Marital Conflicts, Methods of Their Resolution and Prevention in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Interregional Study),” <https://www.rscf.ru/project/22-78-10103/>).

For citation: Spichak, A.V., O.V. Vanyushina, and Yu.A. Krivosheeva. “Consideration of Criminal Cases against Bodily Integrity in the Provincial Regions of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Century.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 9, no. 1 (2025): 110–48, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-1-4>; EDN: QGFQAC

Введение

Насилие являлось неотъемлемой чертой повседневности семьи во второй половине XIX – начале XX века. По обычному праву битье мужем жены в патриархальной семье, особенно среди крестьян, с целью «поучения»,

преступлением не считалось, наоборот, сельские жители полагали, что мужчина имеет право наказывать свою супругу.

Работы по обычному праву 1860–1870-х гг. регулярно констатировали высокий уровень супружеского насилия в крестьянских семьях, а также несправедливое отношение волостных судов к женщинам, пострадавшим от насилия в семье, что подтверждали отчеты 1880-х гг. и первые статистические данные¹. Публицистика того времени создала и широко тиражировала собирательный портрет мужа-женоненавистника: необразованный и невежественный представитель низших/беднейших слоев (как правило, крестьянства)². Однако только ли представители бедного крестьянства били своих жен, и могла ли грамотность, в том числе юридическая, помочь женщине защитить себя?

В советской историографии тема супружеского насилия не относилась к числу приоритетных. Интерес к данной проблеме возник сравнительно недавно, в последние два десятилетия. Н.Л. Пушкарева впервые показала на многочисленных примерах различных губерний, в том числе избранных для анализа в данной статье, региональные различия в степени жестокости позорящих наказаний в отношении прелюбодействовавшей жены и оказавшейся нецеломудренной невесты по нормам обычного права³. Что касается второго явления, то по сведениям Н.Л. Пушкаревой, в Тверской губернии «никакого публичного посрамления оказавшейся нецеломудренной» невесты не практиковалось⁴, и на Русском Севере также «никаких

¹ Драки между членами семьи, в том числе находившимися в состоянии алкогольного опьянения, были, однако нами не обнаружены дела, в которых женщины обвинялись бы в нанесении жестоких побоев мужьям, они скорее выбирали метод отравления. В рамках исполнения проекта авторы рассматривают только агрессию со стороны мужей в супружеских конфликтах.

² Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) / под редакцией М.Г. Муравьевой, Н.Л. Пушкаревой. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.

³ Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин: истоки и последствия гендерной асимметрии русской повседневности XI–XIX вв. // Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) / под редакцией М.Г. Муравьевой, Н.Л. Пушкаревой. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 11–52; Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.) / под редакцией М.Г. Муравьевой. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011. С. 190–217.

⁴ Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. С. 198.

посрамляющих обрядов... не устраивали»⁵, вероятнее всего в силу переизбытка мужского населения.

В коллективной монографии под редакцией Н.Л. Пушкаревой и М.Г. Муравьевой с позиций специалистов по женской и гендерной истории рассматриваются вопросы супружеского насилия в XVIII в. Авторы отмечают «отчаянное положение русской женщины в семье», которое и к середине XIX в. изменилось в лучшую сторону незначительно⁶.

Тема супружеских побоев и убийств в крестьянской семье освещается в исследованиях В.Б. Безгина⁷ и З.З. Мухиной⁸. Изучение проблемы домашнего насилия в конце XIX – начале XX в. на материалах Тверской губернии предпринято в работе В.Б. Богомаз⁹. В рамках исследуемого вопроса нельзя не отметить юридическую литературу по истории семейно-брачного права¹⁰.

Однако, несмотря на наличие ряда исследований по истории насилия в семье в Российской империи, в изучении темы сохранилось немало лакун, что позволяет расширить региональный компонент, изучить этапы судопроизводства по супружеским преступлениям против телесной неприкосновенности и меры ответственности за данный вид преступления. Для представленной работы были привлечены материалы судебных дел таких провинциальных губерний, как Тверская, Ярославская и Тобольская. Указанные губернии выбраны не случайно, поскольку, в представлении авторов, детальное сравнение подобных дел в центре Российской империи и на периферии за один временной период позволяет установить как общие

⁵ Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. С. 199.

⁶ Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) / под редакцией М.Г. Муравьевой, Н.Л. Пушкаревой. С. 52.

⁷ Безгин В.Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. Москва: Ломоносовъ, 2017; Безгин В.Б. Убийство супруга(и) в крестьянской семье (конец XIX – начало XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 27–30.

⁸ Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2018.

⁹ Богомаз А.П. Преступница или жертва: домашнее насилие в России в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Тверской губернии) // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2015. № 2. С. 143–153.

¹⁰ Лаптева Л.Е. Домашнее насилие: сила традиции // Genesis: исторические исследования. 2017. № 9. С. 92–105; Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. Санкт-Петербург: Р. Асланов, Юридический центр Пресс, 2006; Родина И.В. Родственно-семейные отношения насилия и зависимости в обычаях и нормах России: исторический аспект // Общество и право. 2006. № 3 (13). С. 17–25.

закономерности, так и особенности применения норм права на различных территориях.

В рамках исследования было изучено 38 дел о преступлениях «против телесной неприкосновенности» за 1864–1913 гг., значительная часть которых была посвящена расследованию жестоких побоев – истязаний. Во всех рассмотренных случаях истицами выступали женщины, пострадавшие от побоев со стороны своих мужей; большую часть фигурантов составили крестьяне, меньшая – распределена между мещанами, духовенством, военными, чиновниками и купцами.

Избиение мужем жены относилось действовавшим в рассматриваемый период законодательством к «преступлениям против телесной неприкосновенности, то есть посягательствам на причинение того или другого вреда здоровью или телу отдельного лица» (ст. 1477–1496 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (далее – УоН)), которые могли быть совершены умышленно или неосторожно и предполагали наказания от четырех месяцев тюрьмы до шести лет каторжных работ. Причем срок его мог быть увеличен до 15 лет при квалифицированных видах преступления, каковыми признавались: 1) тяжкие, повлекшие за собой смерть потерпевшего, 2) нанесенные родственникам, заведомо беременной женщине и супруге и т.д.¹¹ Последним критерием характеризуются, в частности, и изученные в статье дела, однако в результате анализа архивных документов было выявлено противоречие между требованием более серьезного наказания за его квалификацию и реальными весьма лояльными сроками от трех месяцев тюрьмы, что было даже меньше нижней границы наказания. Одной из задач исследования стало выяснение причин данного явления.

Основная часть

Все выявленные нами случаи насилия в семье в Тобольской губернии рассматривались окружным судом, в Тверской – в окружных судах (Тверском и Ржевском), волостных судах, мировыми и городскими судьями, а также духовной консисторией, в Ярославской губернии – в окружном, волостном, уездных и мировых судах, уездных по крестьянским делам присутствиях, духовной консистории, на съездах мировых судей и у земского начальника.

Изученные дела были инициированы жалобами потерпевших, реже кем-то из родственников жены или свидетелей из соседей. Нередко в своих заявлениях женщины жаловались на побои, которые терпели на протяжении всей

¹¹ Казаков М.Ф. Адвокат. Иск и защита. Пособие для самостоятельного ведения гражданских дел и уголовных защит и для подготовки к экзамену на звание частного поверенного. Москва: «Правоведение» И.К. Голубева, 1912. С. 112–113.

супружеской жизни. Как правило, систематические побои не являлись причиной обращения в суд, поводом становилась угроза жизни, а также другие сопутствующие проблемы, например, отказ от содержания жены и детей, изгнание из дома, растрата сбережений и имущественные споры в семье.

Первоначальными инстанциями рассмотрения подобных заявлений в зависимости от сословия истца и ответчика и территориальной близости расположения должностного лица или учреждения были сельские старосты, местные приставы, волостные и мировые суды, судебные следователи.

Крестьянские дела открывались преимущественно в волостном суде, реже – у земского начальника. В волостных судах вопрос решался достаточно быстро и просто: жалоба – вызов повестками на суд – решение (наказание). В рассмотренных делах средний срок рассмотрения дела составил от шести дней до нескольких месяцев. Существовал также и усложненный формат: жалоба – дознание сельским старостой – составление протокола с понятыми – передача дела в волостной суд. Волостной суд кроме ареста при волостном правлении мог приговорить к ударам розгами.

Для разбора мелких уголовных дел по «Судебным уставам» 1864 г. был утвержден мировой суд, его ведомству подлежали проступки, за которые в УоН назначались выговоры, замечания, внушения, денежные взыскания, арест на период до трех месяцев и заключение в тюрьме сроком не более одного года и шести месяцев (Устав уголовного судопроизводства, ст. 33).

Ст. 1489 УоН указывала, что нетяжкие побои (не подвергавшие жизнь опасности), называемые ударами, относились к обидам или оскорблениям и составляли ст. 1533 (однако в самой ст. 1533 были указаны, напротив, тяжкие побои, не угрожавшие жизни), а также ст. 133 «о личных оскорблениях действием» Устава о наказаниях. По указанным статьям мировые судьи могли подвергнуть виновных аресту на срок не дольше 15 дней или денежному взысканию в размере до 15 рублей. Однако применительно к супругам более подходила и чаще применялась ст. 135 – «за нанесение обиды действием с обдуманном заранее намерением, или же в публичном месте, или многолюдном собрании, а равно лицу ... имеющему, по особым к нему отношениям, право и на особое уважение, или же лицу женского пола», – увеличивавшая срок наказания до 3 месяцев. Такой же срок был указан в ст. 142 «о самоуправстве» за употребление насилия без нанесения тяжких побоев, ран или увечий¹². Так, в 1871 г. крестьянин Тверской губернии Ф. Егоров «за

¹² Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. // Электронная библиотека НИУ ВШЭ – Нижний Новгород. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_o_nakazaniyah_mirovimi_sudyami (дата обращения: 20.12.2023).

оскорбление действием» жены был подвергнут двум ударам розгами и аресту при полиции на полтора месяца¹³.

В проанализированных делах встречались и апелляции, оставленные без последствий, так как доказательства вины были неопровержимыми, а претензии мужчин на несправедливое наказание и плохое поведение жен необоснованными. Так, например, крестьянин Ярославской губернии А. Воронцов, в 1898 г. подвергнутый аресту при волостном правлении на 4 дня за избиение жены, подал встречный иск с просьбой привлечь к ответственности жену за оскорбления и неподчинение ему¹⁴.

В тех местностях, где мировых судей не существовало, подсудность дел распределялась между земскими начальниками, городскими судьями и уездными членами окружного суда.

В судебных делах сохранились свидетельства о попытках примирения супругов. Часть женщин, подавая не один раз жалобы на своих мужей в волостной суд, после отказывались от претензий, как правило, после примирения. Если супруги не готовы были примириться, а действие носило особо серьезный характер и признавалось преступлением, то дело передавалось в следующую инстанцию – в окружной суд.

Существовало две цепочки движения дел в судебной системе Российской империи: «мировой суд – окружной суд – судебная палата – Правительствующий Сенат» и «волостной суд – земский начальник – уездный съезд – губернское присутствие». Второй вариант был создан исключительно для лиц крестьянского сословия, однако последние обращались и к мировому судье. Делалось это по причине того, что современники считали мировой суд более либеральным, поэтому все чаще выбирали его в поисках правосудия и заступничества.

Рассмотрим основные этапы решения дел в окружных судах.

Первым этапом являлось предварительное следствие, которое было возложено судебными уставами на судебного следователя при участии прокурорской власти и полиции. Определялся список лиц, привлекаемых к допросу. Далее проводилось заседание окружного суда, на котором допрашивались обе стороны конфликта и свидетели.

¹³ Приговор Тверского окружного суда по делу о крестьянах Фоме и Егоре Трофимове. 1872 г. // Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 660. Оп. 3–1. Д. 142. Л. 35 об.

¹⁴ Заявление А.А. Воронцова о привлечении жены к ответственности. Решение председателя волостного суда. 1898 г. // Государственный архив Ярославской области в г. Рыбинске (далее – РБФ ГАЯО). Ф. 62. Оп. 1. Д. 1317. Л. 1–1 об.

На судеговорении каждая из сторон, высказываясь о поводе, приведшем к насильственным действиям, приводила разные, порой противоположные суждения. Женщины предлогом к последовавшему со стороны мужа применению силы называли те ситуации, когда они выражали свое несогласие ему лично (в том числе обвиняли в изменах) или другим, вышестоящим лицам (жаловалась старшине), когда мужья хотели отобрать их имущество, а также когда подобным способом муж вымещал на жене свое недовольство поведением тещи. Так, например, одна из потерпевших хотела надеть валяные сапоги, муж запретил («Ты их не стоишь»), после возражений жены: «Неужели я за семь лет жизни с тобой их не заслужила?» последовали его враждебные действия¹⁵.

Обвиняемые, как правило, не признавали себя виновными, считая, что они только «побранили» жену. Они чаще называли следующие предлоги, спровоцировавшие конфликт и противоправные действия: непослушание жены («хотел даже заявить в полицию»), ее пьянство («застал ее нетрезвой в трактире» (неподтвержденный факт)) и воровство из дома («воровство хлеба и грубые поступки против него и его родителей»¹⁶), попытки избавиться от нерожденного ребенка, разгульный образ жизни (в том числе и раздражение на тещу из-за того, что та подстрекала дочь к разводу и не запрещала ей распутного поведения), измены (часто надуманные), неуважительное отношение к родителям, а также когда жены оказывались после венчания не девицами.

Объективными же причинами побоев чаще всего были пьянство (большинство преступных действий совершено в состоянии алкогольного опьянения), жестокий характер мужа, болезни (неспособность к брачной жизни), венчание против воли (по желанию помещика).

На третьем этапе прокурор, получив результаты следственного производства, составлял обвинительный акт и выносил его на рассмотрение окружного суда, если в деле имелись основания к обвинению, в противном случае возвращал его следователю для дополнения и прояснения обстоятельств¹⁷. Для составления обвинительного акта в ходе следствия было важно определить следующие факторы: 1) тяжесть побоев, которая устанавливалась присяжными заседателями (при отсутствии врачебного заключения она фиксировалась со слов свидетелей и самой потерпевшей); 2) наличие беременности;

¹⁵ Допрос Аграфены Григорьевой судебным следователем. 1864 г. // РБФ ГАЯО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 5557. Л. 13–14 об.

¹⁶ Рапорт георгиевского волостного старшины. Материалы допросов судебного следователя. 1864 г. // РБФ ГАЯО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 5557. Л. 5, 9–11.

¹⁷ Казаков М.Ф. Адвокат. Иск и защита. С. 179.

3) обдуманность намерений; 4) умышленность или случайность; 5) наличие угрозы лишения жизни; 6) состояние алкогольного опьянения в момент совершения противоправных действий. Следовательно, именно проводивший экспертизу врач устанавливал тяжесть побоев, без его подтверждения добиться соответствующего наказания было невозможно.

В уголовном суде показания свидетелей являлись наиболее часто употреблявшимся видом доказательств. В процессе судопроизводства судебный следователь мог поместить обвиняемого под надзор полиции, чтобы он не уклонялся от суда.

Некоторые ответчики на этапе разбирательства отправляли судебному следователю прошения (подобные заявления могли также именоваться «дополнениями»), которые могли иметь печать сельского общества, с просьбой прекратить дело гражданским порядком, объясняя это тем, что готовы помириться с женой¹⁸.

На четвертом этапе решения дела прокурор окружного суда передавал дело судебной палате, которая либо отправляла его на «дорасследование», либо постановляла предать обвиняемого суду и производила дополнительные распоряжения. К началу XX в. в стране функционировало четырнадцать судебных округов, каждый из которых возглавляла соответствующая судебная палата¹⁹. Тверской, Ржевский, Кашинский, Ярославский и Рыбинский окружные суды подчинялись Московской судебной палате, Тобольский – Омской судебной палате. Так, например, из дела мещанина Тверской области М. Шехонина следует, что

Московская судебная палата по Уголовному департаменту признала следствие по настоящему делу достаточно полным и произведенным без нарушения, обвинительный акт утвердила²⁰.

Пятым этапом в некоторых случаях становилась подача апелляции в судебную палату, что могло повлечь за собой пересмотр дела и изменение решения суда. Так, тобольский почетный гражданин (бывший священник) С. Катаев за систематические тяжкие побои и истязания жены, которые подтвердили 11 свидетелей (в деле нет данных о прохождении медицинской

¹⁸ Дополнение к показаниям обвиняемого Дорофея Игнатьева. 1864 г. // РБФ ГАЯО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 5557. Л. 60–60 об.

¹⁹ Курас Т.Л. Общая характеристика судебных палат в Российской Империи (на примере Московской палаты) // Власть. 2012. № 7. С. 121–122.

²⁰ Определение Московской судебной палаты об утверждении обвинительного акта по делу М. Шехонина. 1868 г. // ГАТО. Ф. 660. Оп. 3–1. Д. 28. Л. 2.

экспертизы), был осужден 11 октября 1900 г. на 6 месяцев заключения в тюрьме. Недовольный таким решением он подал жалобу на приговор Тобольского окружного суда в Омскую судебную палату, которая представила документ в Правительствующий Сенат только через год:

В апелляционном отзыве подсудимый Катаев, указывая на то, что 1533 ст. Улож.[ения] о нак.[азаниях] не может быть применяема в отношении супругов как относящаяся до личных оскорблений, не наказуемых по закону между супругами, просит его оправдать²¹.

Правительствующий Сенат в удовлетворении апелляции отказал.

Рассмотрим варианты применения различных статей УоН в качестве правовой основы наказания.

Статья 1483 УоН определяла характер умысла при нанесении телесных повреждений: преступление могло быть совершено намеренно либо «в запальчивости и раздражении», но с осознанием последствий. Если легкие раны являлись следствием «неосторожного деяния», то преступление подлежало действию норм Устава мирового судопроизводства²². За заранее не планируемые и нанесенные без осознанного намерения в процессе драки или ссоры раны или увечья по ст. 1485 назначалось заключение в тюрьме от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев²³. В подобных случаях требовалось лишь подтверждение полученных повреждений медицинской экспертизой. Таким образом, при отрицании умысла виновным и отсутствии доказательств систематичности побоев (например, с помощью показаний свидетелей, соседей) и тяжести ран, привлечь ответчика по статьям УоН было практически невозможно.

Ст. 1477–1496 УоН содержали по несколько степеней наказания в зависимости от серьезности телесных повреждений. Согласно ст. 1583 УоН за причинение побоев супруге(у) виновные подвергались наказаниям, определенным в указанных статьях, на две степени строже, чем если бы они совершили то же преступление по отношению к иному лицу (об этом же косвенно говорилось в ст. 1492 УоН). Кроме того, мужа-христиане

²¹ Дело по обвинению бывшего священника, потомственного почетного гражданина г. Тюмени С.В. Катаева в нанесении тяжких телесных повреждений своей жене Х.В. Катаевой. 1899–1900 гг. // Государственный архив Твери (далее – ГАТ). Ф. И-158. Оп. 3. Д. 658. Л. 2–99 об.

²² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года / составитель Н.С. Таганцев. Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича, 1876. С. 564.

²³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С. 566.

подвергались церковному покаянию по распоряжению своего духовного начальства²⁴. Согласно комментарию юриста Н.С. Таганцева, под понятием «жестокое обращение» подразумевалось включенное в ст. 1583 причинение истязаний и мучений. Легкие побои данной статьей не регулировались²⁵.

Ст. 1489 УоН делила тяжелые, подвергающие жизнь опасности преступления по способу причинения вреда здоровью на побои, истязания и мучения²⁶. Побоями называли повреждения, причиняемые ударом твердого тупого орудия (кулаки подходили под это определение). Их подразделяли на легкие и тяжкие, последние в свою очередь могли быть грозящими опасностью жизни или нет. Под истязанием подразумевали длившееся определенное время и характеризовавшееся жестокостью причинение физической боли (сечение розгами, вырывание волос, пытки, тяжкие продолжительные побои). Мучением считалось лишение человека необходимых для существования условий. Факты подтвержденных мучений нами в рассмотренных делах не встречались, однако, поскольку оно было упомянуто в законодательстве, можно говорить о фиксации случаев преступлений этого вида²⁷.

Согласно указанной статье,

за причинение кому-либо с умыслом тяжелых, подвергающих жизнь его опасности побоев или иных истязаний или мучений, виновный, смотря по оказанной им при сем большей или меньшей жестокости, по степени причиненного им вреда и другим сопровождавшим его деяние обстоятельствам, приговаривается: к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к ссылке на жительство в Сибирь или к отдаче в исправительные арестантские отделения по первой, второй или третьей степени 31 статьи²⁸.

Ст. 31 включала 5 степеней ссылки «на жительство» или работы в исправительных арестантских отделениях для «не изъятых от наказаний телесных» лиц от более к менее суровой: 1) в Иркутскую и Енисейскую губернии на 10–20 лет с заключением на 2–4 года или работы на 3,5–4 года; 2) туда же на 8–10 лет с заключением на 2–3 года или работы на 3–3,5 года; 3) в Томскую и Тобольскую губернии с заключением на 2–3 года или работы на 2–2,5 года; 4) туда же с

²⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С. 607.

²⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С. 607.

²⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С. 567.

²⁷ Казаков М.Ф. Адвокат. Иск и защита. С. 113.

²⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С. 567.

заключением на 1–2 года или работы на 1,5–2,5 года; 5) туда же без заключения или работы на 1–1,5 года²⁹.

Согласно ст. 44

осужденные на ссылку в Сибирь или другие отдаленные губернии на житье, с потерю всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ, по освобождению из временного заключения, состоят под надзором местной полиции³⁰.

В УоН выделялись три разновидности телесных повреждений: раны, увечья, а также иные расстройства здоровья. К ранам (ст. 1481, 1482 УоН) относили нарушения целостности внешних покровов тела с одновременным разрушением внутренних тканей, то есть не ссадины и царапины, а более серьезные повреждения³¹.

Ст. 1477 включала ответственность за нанесение самых серьезных повреждений телу – тяжких увечий (лишение действия органа), при этом совершенных с заранее обдуманном намерением. Виды менее тяжких увечий перечислены в ст. 1478³². В ней особо выделено «прорывание девственной плевы пальцем», однако, например, Московская судебная палата в одном из дел Ярославской губернии в 1876 г. признала подобное действие нанесением легких увечий и не наказала виновного³³.

Когда последствиями побоев становился выкидыш, помимо ст. 1492 и 1489 применялась ст. 1491 УоН о беременном состоянии потерпевшей, по которой виновного, даже не желавшего указанного результата, приговаривали к наказаниям по ст. 1477–1484 и 1486–1490 в самой высшей их мере. Однако в каждой статье, закрепляющей наказание за разные виды нанесения телесных повреждений, высшая мера была разной. Следовательно, даже легкие побои, приведшие к смерти нерожденного ребенка, должны были наказываться самым серьезным образом. Однако на практике наказания и вовсе можно было избежать, как это, например, удалось в 1903 г. сделать крестьянину Ярославской губернии В.Е. Полякову, который после двух лет брака стал систематически избивать жену, таскать ее за волосы, несмотря на

²⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С. 33–34.

³⁰ Постановление Рыбинского окружного суда по делу С.П. Смирнова. 1873 г. // РБФ ГАЯО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 797. Л. 38–38 об.

³¹ Казаков М.Ф. Адвокат. Иск и защита. С. 113.

³² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С. 607.

³³ Решение Московской судебной палаты по делу М. Петровой. 1876 г. // РБФ ГАЯО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 257. Л. 25–27.

беременность. Крестьянин не признавал своей вины и заявлял, что жена сама желала избавиться от ребенка, а побои были не настолько сильные. Несмотря на опровержение его показаний свидетелями, присяжные единогласно приняли сторону ответчика³⁴.

После освобождения от работ в исправительных арестантских отделениях по ст. 48 УоН виновный должен был находиться под надзором общества еще 4 года, причем в губернских городах и столицах ему проживать запрещалось. Следовательно, такое наказание оказывало влияние и на жизнь семьи: человек не мог, например, уйти на заработки в крупные города. Полицейский надзор назначался, если общество отказывалось брать преступника под свой надзор³⁵.

В делах обычно встречается комбинация из статей, содержащих данные о виде преступления, разновидности телесных повреждений и указания на особое положение женщины (наличие беременности). Например, в делах об истязании указывались ст. 1583, 1489, 1492 УоН, как в деле 1871–1872 гг. о рядовом из мещан Ярославской губернии В. Качалове, который был лишен всех прав и преимуществ, бронзовой медали, заключен в исправительное арестантское отделение гражданского ведомства на 2 года и 9 месяцев за систематическое жестокое обращение с женой. Поводом к привлечению его к ответственности стал случай, когда жена ушла жаловаться на него старшине, однако Качалов ее поймал и за волосы тащил до дома четверть версты, дома «совершенно ее разбил», связал по рукам и ногам, взнуздal, плевал в глаза, угрожал убить, веревкой притянул голени к коленам и начал таскать ее по полу, предварительно облив помоями из лохани и двумя ковшами воды³⁶.

Случаи обращения пострадавших жен за помощью можно также найти в делах о разводе, сохранившихся в фонде Канцелярии Святейшего Синода в Российском государственном историческом архиве. Примером применения одного из самых строгих (из обнаруженных) наказаний за побои может служить дело по прошению жены коллежского регистратора Тверской губернии О. Фредерикс о разводе с мужем. За жестокое обращение с женой он был в 1868 г. предан церковному покаянию, а также лишен всех особенных прав и преимуществ и сослан «на житье» в Иркутскую губернию с запретом на

³⁴ Обвинительный акт о крестьянине В.Е. Полякове. Резолюция суда. 1903 г. // Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 346. Оп. 4. Д. 5606. Л. 2а–3, 2б.

³⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С. 39–40.

³⁶ Копия определения Московской судебной палаты по делу рядового Качалова. Резолюция суда // ГАЯО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3866. Л. 2–3, 6б.

протяжении 5 лет «всякой отлучки из места», а после – выезда в другие губернии и области Сибири в течение 12 лет³⁷.

В некоторых случаях в делах об истязаниях суд выносил решение о необходимости выяснения психического состояния обвиняемого. Так, в фонде Тверского окружного суда сохранилось дело об освидетельствовании умственных способностей крестьянина С.С. Кузнецова, который откусил жене кусочек носа, отрезал части плоти; дважды побои привели к выкидышам. Умственные способности в подобных делах являлись синонимом психического состояния, конкретные методы проверки не указывались, в заключении описывали внешний вид и результаты наблюдения за вменяемостью обвиняемого. Кузнецов был подвергнут наблюдению в специальной лечебнице для душевнобольных в Бурашевской колонии, врачи пришли к следующему выводу: «в настоящее время психически здоров. Приписываемые ему преступные деяния (неоднократное истязание жены) были совершены в состоянии совершенного безпамятства под влиянием запойного бреда, в которое впадал неоднократно». Крестьянина освободили из колонии и поместили в Старицкую тюрьму³⁸.

Следует отметить, что обвиняемые в преступлениях «против телесной неприкосновенности» могли уменьшить или вовсе избежать наказания. Рассмотрим, какими способами им удавалось это сделать.

Уменьшение вины, следовательно, и наказания происходило в определенных случаях.

1. При наличии раскаяния в содеянном «по одному из первых на допросе убеждений или увещаний» (п. 2 ст. 134 УоН). Присяжные заседатели могли признать, что подсудимый заслуживает снисхождения, и снизить наказание на одну или две степени наказания (ст. 828 Устава уголовного судопроизводства). Так, в 1873 г. присяжные заседатели признали заслуживающим снисхождения бывшего причетника, почетного гражданина Ярославской губернии С.П. Смирнова, истязавшего жену (буйствовал, жестоко обращался, резал ножом руки, обещал убить), потому что он сознался на суде в содеянном, за исключением порезов (якобы жена сама поранилась). Несмотря на то, что обвиняемый «действовал с разумением», 1 степень ст. 31 была заменена 3 степенью, а также избран согласно приложению II к ст. 70 только запрет

³⁷ Прошение жены коллежского регистратора Тверской губернии О. Фредерикс о разводе с ее мужем. 1868 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 151. Д. 483 (1). Л. 2–2 об.

³⁸ Заключение об освидетельствовании крестьянина Старицкого уезда С. Кузнецова в состоянии умственных способностей. 1906 г. // ГАТО. Ф. 660. Оп. 3–3. Д. 3766. Л. 3–3 об.

отлучки от места жительства на год с последующим запретом выезда на 4 года по ст. 44, временное же заключение под стражу было отменено³⁹.

2. При наличии доказательства доведения до преступления обидами и оскорблениями со стороны жены (п. 5 ст. 134 УоН).

3. В случае отсутствия у истицы юридической грамотности. В некоторых делах по неясной причине нет сведений о проведении медицинской экспертизы, без которой добиться правосудия было невозможно. По причине недостатка доказательств не только уменьшалось наказание, но и вовсе могло быть закрыто дело.

Кроме того, существовала некоторая вероятность избежать наказания, причем часто по независящим от виновного обстоятельствам.

1. Если телесные повреждения не были зафиксированы посредством медицинской экспертизы, на теле жертвы не были замечены серьезные последствия побоев, а соседи их не видели, то суд не верил истице на слово. В подобных случаях не помогала и образованность последней. Так, чиновнице Ярославской губернии В. Раевской, требовавшей развода в связи с тем, что «муж ежедневно ругает ее матом, бьет и душит», в 1875 г. было объявлено заключение прокурора о том, что «супруги обязаны жить вместе. Всякие акты, клонящие к самовольному расторжению супругов, запрещены». Так как единственный привлеченный свидетель не подтвердил совершение преступления, медицинская экспертиза назначена не была⁴⁰.

2. При неявке обеих или одной из заинтересованных сторон, например, обвинительницы. Подобное произошло в деле Тверского окружного суда о крестьянах Васильевых 1899 г.⁴¹

3. Даже при рассмотрении дела в окружном суде, отправленном в эту инстанцию в силу серьезности нанесенного вреда здоровью потерпевшей, некоторые женщины примирялись с супругом. А согласно ст. 157 УоН примирение до приведения в исполнение приговора отменяло наказание. Председательствующий на заседании окружного суда объявлял, что «дело слушается в порядке частного обвинения и может быть прекращено примирением сторон» и предлагал супругам примириться. Так, в 1870 г. следствие по делу о жестоком обращении купца Тверской губернии Н. Вихорева с женой было прекращено вследствие примирения супругов. В

³⁹ Протокол заседания и постановление Рыбинского окружного суда по делу С.П. Смирнова. 1873 г. // ГАЯО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 797. Л. 29–30, 37–38 об.

⁴⁰ Постановление мирового суда по делу В.Е. Раевского. 1875 г. // Государственный архив Ярославской области в Ростове. Ф. 17. Оп. 1. Д. 17. Л. 9 об.–10 об.

⁴¹ Определение Тверского окружного суда о прекращении следствия по делу Васильевых за неявкой обвинительницы. 1899 г. // ГАТО. Ф. 660. Оп. 3–2. Д. 2857. Л. 2–2 об.

итоге муж потерпевшей избежал наказания, несмотря на то, что со слов истицы муж неоднократно наказывал ее розгами и наносил побои, от чего она преждевременно родила двух мертвых младенцев⁴².

4. Долгие сроки рассмотрения дел также сказывались на их исходе, так как если истица не доживала до суда без прямой связи с побоями, то обвиняемый муж оставался безнаказанным. В некоторых случаях движение делопроизводства не ускорялось даже после многочисленных жалоб потерпевшей в различные инстанции. Ярославский мещанин С.Ф. Савельев не раз бил и даже однажды хотел убить жену камнем (с ее слов, доказано не было). В течение срока рассмотрения приставами дела в 1864–1867 гг. побои усилились, потерпевшая просила ускорить движение дела и передать его следователю. Врачебное отделение признало побои тяжелыми, о чем было сообщено в уездный суд. Однако почти через 2,5 года после подачи жалобы женщина умерла, дело было закрыто, в связи с чем Савельев избежал наказания, указанного либо в ст. 31 УоН (от работы в исправительных арестантских отделениях на 1–1,5 года до ссылки), либо в ст. 1482 (заключение в тюрьме от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев за нанесение «с обдуманном заранее намерением или умыслом одной раны или нескольких более легких ран»)⁴³.

Однако в изучаемый период женщина все же могла рассчитывать на некоторую защиту со стороны судебной власти. Во-первых, потерпевшая могла начать жить отдельно от мужа. Во-вторых, она имела право просить обязать мужа подпиской, чтобы тот не оскорблял, не приходил к ней в новое место ее жительства (зачастую отчий или соседский дом). Так, в рассмотренном выше деле мещанина Савельева помощник пристава 1-й полицейской части взял с ответчика такую подписку, которая разрешала приходить в дом к жене только для того, чтобы увидеть детей⁴⁴.

Время тюремного заключения даже при совершении тяжких побоев зачастую было незначительным, до года, после чего жестокие и агрессивные мужья

⁴² Определение Тверского окружного суда о прекращении следствия по жалобе М. Вихоревой на жестокое обращение мужа вследствие примирения супругов // ГАТО. Ф. 660. Оп. 3–2. Д. 2495. Л. 2–2об.

⁴³ Медицинское освидетельствование истицы по делу С.Ф. Савельева. Дополнение истицы к производству дела. Медицинское заключение о признании нанесенных истице побоев тяжелыми. Переписка о смерти истицы и отсутствии доказательств жестокого обращения с ней со стороны мужа. 1864–1867 гг. // ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 4654. Л. 13–13 об., 18–18 об., 68, 72.

⁴⁴ Подписка ответчика С.Ф. Савельева помощнику пристава о запрете посещения жены. 1864–1867 гг. // ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 4654. Л. 19.

возвращались домой еще более озлобленными и обиженными на жен. Единственное, что могло в некотором роде обезопасить последних – это получение разрешения на раздельное жительство. Однако муж мог найти жену и в ее новом месте проживания. Так, в архивных документах зафиксированы случаи, когда мужья врываются в дома своих жен, пытались отобрать детей.

К сожалению, пострадавшие женщины не всегда находили сочувствие властей. Так, в 1876 г. крестьянку Ярославской губернии М. Петрову арестовали при волостном правлении после очередного ухода из дома (до этого она 3 раза уходила к отцу) от мужа, бывшего ее из-за своего полового бессилия, и свекров, поивших ее «колдовскими снадобьями». Истица подала в суд на мужа, который «обращается как со скотиной, бьет без вины», однако судебная палата не нашла оснований для привлечения его к ответственности, дело закрыли, а волостной старшина побуждал ее вернуться к мужу⁴⁵.

Дела о побоях могли решаться еще в одном учреждении – в духовной консистории, если обвиняемый принадлежал к духовному сословию. Можно выделить следующие этапы производства таких дел: 1) обращение с жалобой к местному благочинному; 2) увещание последним мужа; 3) при отрицательном результате наставлений – жалоба истицы в духовную консисторию на имя архиепископа; 4) проведение формального следствия духовным следователем; 5) опрос свидетелей (в присутствии депутата с гражданской стороны) благочинным самостоятельно или с помощником (при необходимости) в том числе на предмет «исправности» супруга по службе; б) передача итогов опроса преосвященному; 7) принятие решения духовной консисторией. Следует отметить, что обнаруженные нами два подобных дела в духовной консистории были решены в относительно короткие сроки – 4 и 9 месяцев, в обоих случаях супруги примирились.

Заключение

Таким образом, действовавшее во второй половине XIX – начале XX в. законодательство предусматривало наказание за нанесение тяжелых побоев со стороны супруга. Подобные действия наказывались наравне и даже более строго по сравнению с насилием, совершенным в отношении посторонних людей. При этом власти, с одной стороны, строго следовали закону, соблюдали все основные этапы судопроизводства: следствие, допрос свидетелей, освидетельствование врачом, однако, с другой стороны, на практике соблюдение правовых норм обеспечивалось не в должной мере. Поэтому

⁴⁵ Прощение истицы М. Петровой мировому судье. 1876 г. // РБФ ГАЯО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 257. Л. 2.

рассматриваемый период характеризовался как положительными, так и отрицательными чертами системы наказания супругов за побои. Формально женщины получили возможность жаловаться на жестоких мужей в различные инстанции, однако результативность этих жалоб была невысока – даже жестокое обращение и истязания было достаточно сложно доказать.

Поводов для конфликтов между супругами существовало множество. Однако главной причиной, по которой побои не могли быть изжиты из повседневности семей, особенно провинциальных, сельских и деревенских жителей, можно считать патриархальные устои и традиции. При возникновении семейных проблем они «подсказывали» мужу, что наказание жены побоями может остаться безнаказанным, а ей – что нужно повиноваться и «не выносить сор из избы». Конфликты с женами, перераставшие в членовредительство, происходили не только у неграмотных и бедных крестьян, они были присущи различным сословиям, включая духовенство.

Наказания жестокие мужья получали довольно редко, чаще дела закрывались по примирению сторон, из-за недостаточности улик, неявки сторон на судебное заседание. Большая часть конфликтов так и не дошла до окружных судов, завершившись в судах низшего уровня. Окружные же суды рассматривали те случаи, в которых жизни и здоровью женщин действительно угрожала серьезная опасность.

По современным представлениям, наказания за преступления подобного рода были достаточно мягкими. Чтобы облегчить свою участь, мужчины не сознавались в жестоком обращении по отношению к жене, а признавали свою вину только в легких побоях или в ссорах. Они утверждали, что якобы не понимали, почему супруги отказываются от дальнейшего проживания с ними, и даже заявляли, что скрывали «проступки» жены, «не желая ее бесчестить», явно пытаясь опорочить образ истицы.

Часто понесенное наказание еще больше ожесточало озлобленного мужа, что, по сути, замыкало порочный круг супружеского конфликта. Светские власти могли препятствовать расставанию сторон, которое могло бы прекратить семейное насилие. Сбежавшие от гнета жены водворялись обратно, их даже арестовывали в «побудительных целях», не признавали болезненные, угрожающие здоровью и жизни действия мужчин серьезными проступками. Невыносимая семейная жизнь, угроза здоровью заставляли женщин уходить из дома и жить отдельно от мужей.

Дела с повторным обращением пострадавших нами не были обнаружены либо по причине плохой сохранности, либо потому что супруги, возможно, неформально расходились и жили раздельно, не обращаясь ни за разводом в

духовные консистории, ни в светские судебные учреждения из-за действий «против телесной неприкосновенности».

Что касается региональных особенностей, то необходимо отметить, что независимо от удаленности от центра империи, дела о побоях решались похожим образом – одинаково долго и несправедливо по отношению к пострадавшим женщинам, при этом делопроизводство было выстроено четко и не отличалось от того, что велось по другим вопросам. Вероятной причиной последнего являлась строгая и подробная регламентация этапов судебного делопроизводства, в отличие от законодательства о побоях, в котором можно было найти множество «лазеек».



Introduction

Violence remained an integral part of everyday family life in the second half of the 19th – early 20th century. According to common law, a husband beating his wife in a patriarchal family, especially among peasants, for the purpose of “instruction” was not considered a criminal. On the contrary, most rural residents believed that a man had a right to punish his wife.

Works of the 1860s and 1870s dedicated to common law regularly documented high levels of violence in peasant families as well as unfair treatment of female victims of domestic violence by volost courts, which was confirmed by the reports for the 1880s and the first statistical data.¹ The press of the time created and widely circulated a collective portrait of a misogynist husband: an uneducated and ignorant representative of the lower / poorest classes (as a rule, the peasantry).² However, were representatives of the poor peasantry the only ones who beat their wives and could literacy, including legal literacy, support a woman in protecting herself?

In Soviet historiography, the topic of domestic violence was not a priority. Interest in this problem arose relatively recently, in the last two decades. N. Pushkareva was the first researcher to point out regional differences in the severity of shaming punishments chosen for an adulterous wife or an unchaste bride under the norms of common law.³ For that purpose, she considered numerous examples from various governorates, including those selected for analysis in this article. As for the second phenomenon, according to N. Pushkareva, “no public shaming of the unchaste woman” was practiced in Tver Governorate.⁴ Moreover, in the Russian North, “no shaming rituals. . . were held,”⁵ most likely due to the excess of the male population.

¹ There were fights between family members, including those who were under the influence of alcohol, but we did not find any cases in which women were accused of severe beatings of their husbands; they rather chose the poisoning method. In the framework of the project, the authors consider only aggression on the part of husbands in marital conflicts.

² M.G. Murav'eva, and N.L. Pushkareva, eds., *Domestic Violence in the History of Russian Everyday Life (11th–21st centuries)* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012), accessed December 14, 2023, <https://flibusta.club/b/361849/read>

³ N.L. Pushkareva, “Shaming Punishments for Women: The Origins and Consequences of Gender Asymmetry in Russian Everyday Life in the 11th–19th Centuries” [in Russian], in *Domestic Violence in the History of Russian Everyday Life (11th–21st Centuries)*, ed. M.G. Murav'eva, and N.L. Pushkareva (St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012), 11–52; N.L. Pushkareva, “Shaming Punishments for Women in Russia, 19th – early 20th century” [in Russian], in *Guilt and Shame in the Context of the Formation of Modern European States (16th–20th Centuries)*, ed. M.G. Murav'eva (St Petersburg: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, 2011), 190–217.

⁴ Pushkareva, “Shaming Punishments for Women in Russia,” 198.

⁵ Pushkareva, “Shaming Punishments for Women in Russia,” 199.

In the volume edited by N. Pushkareva and M. Murav'eva, the issues of domestic violence in the 18th century are examined from the points of view of specialists in women's and gender history. The authors note the “desperate family situation of Russian women,” which had changed to some extent for the better only by the middle of the 19th century.⁶

The topic of beatings and murder by a spouse in a peasant family is covered in the studies of V. Bezgin⁷ and Z. Mukhina⁸. The work by V. Bogomaz is dedicated to the problem of domestic violence in the late 19th – early 20th century according to the materials from Tver Governorate.⁹ In the context of the issue under study, one cannot fail to note the legal literature on the history of family and marriage law.¹⁰

However, despite the existence of a number of works on the history of domestic violence in the Russian Empire, there are still many gaps in the study of this topic. This allows us to expand the regional component and to study the stages of legal proceedings for marital crimes against bodily integrity and measures of responsibility for this type of crime. In this work, materials from court cases heard in Tver, Yaroslavl, and Tobolsk governorates were considered. These governorates were chosen not at random but on purpose, since, in the authors' opinion, a detailed comparison of similar cases in the center and on the periphery of the Russian Empire in the same period of time allows us to establish both general patterns and specific features of application of legal norms in different territories.

The study examined 38 criminal cases “against bodily integrity and health” in the period between 1864 and 1913. A significant part of these cases was devoted to the investigation of brutal beating or torture. In all the cases examined, the plaintiffs were women who had been assaulted by beating by their own husbands. Most of the

⁶ Murav'eva, and Pushkareva, *Domestic Violence in the History of Russian Everyday Life*, 52.

⁷ V.B. Bezgin, *The Everyday World of the Russian Peasant Woman of the Period of Late Empire* [in Russian] (Moscow: Lomonosov, 2017); V.B. Bezgin, “Murder of a Spouse in a Peasant Family (Late 19th – Early 20th century)” [in Russian], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1 (63) (2016): 27–30.

⁸ Z.Z. Mukhina, *Russian Peasant Woman in the Post-Reform Period (Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Century)* [in Russian] (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018).

⁹ A.P. Bogomaz, “A Female Criminal or a Victim: Domestic Violence in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries (According to the Materials of Tver Governorate)” [in Russian], *Vestnik TvGU. Seriya: Istoriya*, no. 2 (2015): 143–53.

¹⁰ L.E. Laptëva, “Domestic Violence: The Power of Tradition” [in Russian], *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, no. 9 (2017): 92–105; N.S. Nizhnik, *Legal Regulation of Family and Marital Relations in Russian History* [in Russian] (St Petersburg: R. Aslanov, Yuridicheskii tsentr Press, 2006); I.V. Rodina, “Kinship and Family Relations of Violence and Dependence in Russia's Customs and Norms: A Historical Aspect” [in Russian], *Obshchestvo i pravo*, no. 3 (13) (2006): 17–25.

defendants were peasants; a smaller number of cases included the townspeople, clergy, military personnel, officials, and merchants.

Beatings by a husband were classified by the legislation in force during the period in question as a “crime against bodily integrity, that is, an attempt to cause harm to health or body of an individual” (Articles 1477–96 of the Code of Criminal and Correctional Penalties (hereinafter referred to as the Code)), which could be committed intentionally or through criminal negligence and assumed penalties ranging from four months in prison to six years of hard labor. Moreover, the term could be increased to 15 years for qualified types of crime, which were recognized as (1) serious crimes, resulting in the death of the victim, (2) crimes inflicted on relatives, a knowingly pregnant woman or a spouse, etc.¹¹ The latter criterion characterizes, in particular, the cases studied in the article. However, as a result of the analysis of archival documents, a contradiction was revealed between the requirement for more serious penalties for its qualification and the actual very lenient terms of three months in prison and more, which was even less than the lower limit of punishment. One of the objectives of the study was to clarify the reasons for this phenomenon.

Main body

All cases of domestic violence identified by the authors were considered by the district court in Tobolsk Governorate; by the district courts (Tverskoi and Rzhevskii courts), volost courts, magistrate’s courts, city judges, and religious consistories in Tver Governorate; by the district, volost, uyezd, and magistrate’s courts, uyezd offices for peasant affairs, religious consistories, congresses of justices of the peace, and by zemstvo chiefs, in Yaroslavl Governorate.

The studied cases were initiated by victims’ complaints or, less often, by one of the wife’s relatives or by witnesses from among the neighbors. In their statements, women frequently complained about beatings that they had suffered throughout their married life. As a rule, systematic beating was not the reason for going to court. The reason was only a threat to life as well as other related problems, such as refusal to support a wife and children, expulsion from home, squandering of savings, and property disputes in the family.

Depending on the class of plaintiff and defendant and territorial proximity of a certain official or institution, the authorities initially chosen for legal consideration of

¹¹ M.F. Kazakov, *The Lawyer. Suit and Defense. Manual for Independent Conduct of Civil Cases and Criminal Defense and for Preparation for the Examination for the Title of Private Attorney* [in Russian] (Moscow: “Pravovedenie” I.K. Golubeva, 1912), 112–13.

such complaints were village elders, local bailiffs, volost and magistrate's courts, and judicial investigators.

Peasant cases were opened mainly in the volost courts or, less often, by zemstvo chiefs. In the volost courts, such issues were resolved fairly quickly and in the simplest way: complaint – summons to court – decision (penalty). In the cases considered by the authors, the average period of case consideration ranged from six days to several months. There was also a more complicated format, complaint – inquiry by a village elder – protocol of witnesses' testimony – transfer of the case to the volost court. In addition to arresting defendants at the volost administration, the volost court could also sentence defendants to flogging.

In order to deal with minor criminal cases, the magistrate's court was established under the Court Regulations of 1864. Its jurisdiction included misdemeanors for which the Code of Criminal and Correctional Penalties imposed reprimands, warnings, admonitions, monetary penalties, arrest for a period of up to three months, and imprisonment for a period of no more than one year and six months (Charter of Criminal Procedure, Art. 33).

Article 1489 of the Code of Penalties indicated that minor beatings (that did not threaten life), or blows, were related to insults or abuses and constituted Article 1533 (however, Article 1533 itself indicated, on the contrary, serious beatings that did not threaten life), as well as Article 133 on personal insults by action of the same Code. According to these articles, justices of the peace could subject the guilty parties to arrest for a period of no more than 15 days or a fine of up to 15 roubles. However, Article 135 was more suitable for the cases with spouses and was used therefore more often. It read “for causing an insult by an action with deliberate intent, or in a public place, or at a crowded gathering, as well as to a person. . . who has, due to close relations, the right to special respect, or to a person of the female sex,” and increased the term of penalty up to 3 months. The same term was indicated in Article 142 of the Code, “on arbitrariness” for the use of violence without severe beating or causing wounds or injuries.¹² For instance, in 1871, F. Egorov, a peasant from Tver Governorate, was subjected to two blows with a rod and subsequent arrest in the presence of the police for a month and a half “for insulting his wife by action.”¹³

¹² “Code of Criminal and Correctional Penalties Imposed by Justices of the Peace in 1864” [in Russian], *Electronic Library of the National Research University Higher School of Economics – Nizhny Novgorod*, accessed December 20, 2023, https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_o_nakazaniyah_mirovimi_sudyami

¹³ “Prigovor Tverskogo okruzhnogo suda po delu o krest'yanakh Fome i Eгоре Trofimove. 1872 g.” [Sentence of the Tver District Court in the Case of peasants Foma and Egor Trofimov. 1872]. F. 660, op. 3–1, d. 142, l. 35 ob. Gosudarstvennyi arkhiv Tverskoi oblasti [State Archive of Tver Oblast] (GATO), Tver, Russia.

The cases analyzed by the authors also included appeals that were left without any consequences, since the evidence of guilt was irrefutable, and the men's claims of unfair punishment and bad behavior of their wives were unfounded. For example, in 1898, A. Vorontsov, a peasant from Yaroslavl Governorate, was arrested by the volost government for 4 days for beating his wife and filed a counterclaim asking to hold his wife accountable for insults and disobedience to him.

In those regions where there were no magistrate's courts, jurisdiction over such cases was distributed between zemstvo chiefs, city judges, and uyezd members of the district court.¹⁴

Court cases under consideration also contain evidence of attempts to reconcile spouses. Having filed complaints against their husbands in the volost court more than once, some women later withdrew their claims, usually after reconciliation. If spouses refused to reconcile and a case was of a particularly serious nature and was recognized as a crime, it was to be transferred to the next level, which was the district court.

There were two possible options of how a case was considered in the judicial system of the Russian Empire. The first option was "magistrate court – district court – judicial chamber – Governing Senate." The second option was "volost court – zemstvo chief – uyezd congress – governorate's office." It was created exclusively for the peasantry. However, peasants filed claims to the justices of the peace as well. This was done because contemporaries considered the magistrate's court more liberal, so they often chose it in search of justice and intercession.

Let us consider the main stages of cases' consideration in the district courts.

The first stage involved preliminary investigation, which was assigned by judicial statutes to the judicial investigator with the participation of the prosecutor's office and the police. A list of persons to be brought in for questioning was determined. At the next stage, a session of the district court was held, at which both parties in the conflict and witnesses were interrogated.

During the trial, each of the parties gave different, sometimes contradictory opinions when speaking about the reason that led to violent actions. As the pretext for the subsequent use of force by their husbands, women cited those situations when they expressed their disagreement with them personally (including accusations of adultery) or to other, often higher-ranking persons (complaining to village elders), when husbands wanted to take away wives' property or showed dissatisfaction with their mothers-in-law's behavior and punished their wives for that. For example, one

¹⁴ "Zayavlenie A.A. Vorontsova o privilechenii zheny k otvetstvennosti. Reshenie predsedatelya volostnogo suda. 1898 g." [A.A. Vorontsov's plea to hold his wife liable. Decision of the chairman of Volost Court. 1898]. F. 62, op. 1, d. 1317, l. 1–1 ob. Gosudarstvennyi arkhiv Yaroslavskoi oblasti v g. Rybinske (RbF GAYaO), Rybinsk, Russia.

of the victims wanted to put on felt boots, and her husband forbade it (“You are not worth them”). His hostile actions followed the wife’s objections, “Have I really not earned them in seven years of living with you?”¹⁵

As a rule, the accused did not admit their guilt, believing that they had only rationally “scolded” their wives. Most often, they named their own reasons that provoked the conflict and illegal actions. Among these reasons were wife’s disobedience (“I even wanted to report it to the police”), her drunkenness (“I found her drunk in a tavern” (an unconfirmed fact)), theft from home (“stealing bread and rude behavior against him and his parents”),¹⁶ attempts to get rid of an unborn child, dissolute lifestyle (including irritation with his mother-in-law because she incited her daughter to divorce and did not forbid her dissolute behavior), infidelity (often far-fetched), disrespectful attitude towards parents, and also when it turned out after the church wedding that wives were not virgins.

Among objective reasons for beating wives, most often were drunkenness (most criminal acts were committed while intoxicated), cruel nature of husbands, illness (being physically unfit for married life), and marriage against the will (at the request of a landowner).

At the third stage, the prosecutor received the results of investigation and drew up an indictment. If cases had grounds for an indictment, he submitted them to the district court for further consideration. If there were no grounds for an indictment, he returned them to the investigator for additions and clarification of case circumstances.¹⁷ In order to draw up an indictment during investigation, it was important to determine the following factors: (1) severity of beating, which was established by the jury (in the absence of a medical report, it was recorded from the words of witnesses and the victim herself); (2) presence of pregnancy; (3) deliberateness of intent; (4) intentionality or accident; (5) presence of threat of deprivation of life; (6) state of alcoholic intoxication at the time of illegal actions. Consequently, it was a doctor who conducted the examination and who determined the severity of beatings. Without his confirmation, it was impossible to guarantee any punishment of defendant.

In criminal court, witnesses’ testimony was the most commonly used form of evidence. During trials, judicial investigators could place the accused under police surveillance to prevent him from evading trial.

¹⁵ “Dopros Agrafeny Grigor'evoi sudebnym sledovatelem” [Interrogation of Agrafena Grigor'eva by a court investigator. 1864]. F. 36, op. 1, d. 5557, ll. 13–14 ob. RbF GAYaO.

¹⁶ “Raport georgievskogo volostnogo starshiny. Materialy doprosov sudebnogo sledovatelya. 1864 g.” [Report of the Georgievskii Volost chief. Materials of interrogations of the court investigator. 1864]. F. 36, op. 1, d. 5557, ll. 5, 9–11. RbF GAYaO.

¹⁷ Kazakov, *The Lawyer*, 179.

At the stage of the trial, some defendants sent petitions to judicial investigators (such statements could also be called “additions”), which could have the stamp of the village society, with a request to terminate the case by civil procedure, explaining that they were ready to reconcile with their wives.¹⁸

At the fourth stage, the district court’s prosecutor transferred the case under consideration to the judicial chamber, which either sent it for further investigation or ordered that the accused be brought to trial and made additional orders.

At the beginning of the 20th century, there were fourteen judicial districts in the country, each headed by a corresponding judicial chamber.¹⁹ The Tver, Rzhev, Kashin, Yaroslavl, and Rybinsk district courts were subordinate to the Moscow judicial chamber, and the Tobolsk court was subordinate to the Omsk judicial chamber. For example, from the case of the Tver region petty bourgeois M. Shekhonin it follows that,

The Moscow Judicial Chamber of the Criminal Department found investigation into this case to be sufficiently complete and conducted without violations and approved the indictment.²⁰

For some cases, the fifth stage involved an appeal to the judicial chamber, which could entail a review of the case and lead to the change in court’s decision. For instance, on October 11, 1900, hereditary honorary citizen of Tobolsk (former priest) S. Kataev was sentenced to 6 months in prison for systematic severe beatings and torture of his wife, which was confirmed by 11 witnesses (there is however no information in the case about his wife undergoing any medical examination). Dissatisfied with this decision, he filed a complaint against the sentence of the Tobolsk District Court to the Omsk Judicial Chamber, which submitted the document to the Governing Senate only a year later.

In his appeal, defendant Kataev points out that Article 1533 of the Code of Penalties cannot be applied to spouses as it refers to personal insults between spouses that are not punishable by law, and therefore he asks to acquit him.²¹

¹⁸ “Dopolnenie k pokazaniyam obvinyaemogo Dorofeya Ignat'eva” [Addendum to the testimony of defendant Dorofei Ignat'ev. 1864]. F. 36, op. 1, d. 5557, l. 60–60 ob. RbF GAYaO.

¹⁹ T.L. Kuras, “General Characteristics of Court Chambers of the Russian Empire (Based on the Example of the Moscow Chamber)” [in Russian], *Vlast'*, no. 7 (2012): 121–22.

²⁰ “Opredelenie Moskovskoi sudebnoi palaty ob utverzhdanii obvinitel'nogo akta po dely M. Shekhonina. 1868 g.” [Resolution of the Moscow Court Chamber to approve the indictment in the case of M. Shekhonin. 1868]. F. 660, op. 3–1, d. 28, l. 2. GATO.

²¹ “Delo po obvineniyu byvshego svyashchennika, potomstvennogo pochetnogo grazhdanina g. Tyumeni S.V. Kataeva v nanesenii tyazhkih telesnykh povrezhdenii svoei zhene

The Governing Senate rejected the appeal.

Let us consider various options for applying various articles of the Code of Criminal and Correctional Penalties as a legal basis for choosing a penalty.

Article 1483 of the Code of Criminal and Correctional Penalties defined the nature of intent when causing bodily harm: a crime could be committed intentionally or “out of anger and irritation” but with awareness of the consequences. If minor wounds were the result of a “careless act,” the crime was subject to the provisions of the Rules of Procedure for Magistrate Courts.²² For wounds or injuries not planned in advance and inflicted through negligence, without conscious intent, during a fight or quarrel, imprisonment from 8 months to 1 year and 4 months was imposed under Article 1485 of the Code.²³ In such cases, only confirmation of the injuries by medical examination was required. Thus, if the guilty party denied intent and there was no evidence of systematic beatings (for example, through the testimonies of witnesses or neighbors) and the severity of the wounds was not proven, it was practically impossible to prosecute the guilty party under the articles of the Code.

Articles 1477 to 1496 of the Code contained several degrees of penalties depending on seriousness or severity of the bodily harm imposed. According to Article 1583 of the Code, for beating a spouse, an offender was subject to a penalty defined in the said articles, and this penalty was two degrees more severe than that for the same crime committed against another person (this was also indirectly stated in Article 1492 of the Code). In addition, Christian husbands were subject to church repentance by order of their religious superiors.²⁴ According to the commentary of lawyer N. Tagantsev, the concept of “cruel treatment” implied the infliction of torture and torment mentioned in Article 1583. Minor beatings were not regulated by this article.²⁵

Article 1489 of the Criminal Code divided serious life-threatening crimes by the method of inflicting harm to health into beatings, torture, and torment.²⁶ Beatings meant injuries caused by a blow from a hard blunt instrument (fists also fit this definition). They were divided into light and serious beatings, the latter in turn could be life-threatening or not. Torture was understood as physical pain that lasted for a

Kh.V. Kataevoi. 1899–1900 gg.” [Case on the accusation of the former priest, hereditary honorary citizen of Tyumen S.V. Kataev, on inflicting severe bodily injury upon his wife Kh.V. Kataeva. 1899–1900]. F. I-158, op. 3, d. 658, ll. 2–99 ob. Gosudarstvennyi arkhiv Tveri [State Archive of Tver] (GAT), Tver, Russia.

²² *Code of Criminal and Correctional Penalties as of 1866* [in Russian], comp. N.S. Tagantsev (St Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha, 1876), 564.

²³ *Code of Criminal and Correctional Penalties*, 566.

²⁴ *Code of Criminal and Correctional Penalties*, 607.

²⁵ *Code of Criminal and Correctional Penalties*, 607.

²⁶ *Code of Criminal and Correctional Penalties*, 567.

certain period of time and was characterized by cruelty (flogging with rods, hair pulling, and severe prolonged beatings). Torment was considered to be depriving a person of the conditions necessary for existence. We did not encounter facts of confirmed torment in the cases we examined, however, since it was mentioned in the legislation of that time, we can talk about existing criminal cases of this type.²⁷

According to Article 1489,

for intentionally inflicting on someone beatings that endangered their life or other torture or torment, the guilty party, depending on the greater or lesser cruelty exposed in this act, the degree of the harm caused, and other circumstances accompanying their act, was sentenced: to the deprivation of all rights and privileges, both special and appropriated personally and according to his position, to penal transportation for life to Siberia, or to conveyance to correctional prison departments for the crimes of the first, second, or third degree of Article 31.²⁸

Article 31 included five degrees of penal transportation “for life” or for work in correctional prison departments for “persons not exempted from corporal punishment.” More to less severe, these degrees looked as follows: (1) expulsion to Irkutsk and Enisei Governorates for 10–20 years with imprisonment for 2–4 years or labor for 3.5–4 years; (2) expulsion to the Irkutsk and Enisei Governorates for 8–10 years with imprisonment for 2–3 years or labor for 3–3.5 years; (3) expulsion to Tomsk and Tobolsk governorates with imprisonment for 2–3 years or labor for 2–2.5 years; (4) expulsion to Tomsk and Tobolsk governorates with imprisonment for 1–2 years or labor for 1.5–2.5 years, (5) expulsion to Tomsk and Tobolsk governorates for 1–1.5 years without imprisonment or labor.²⁹

According to Article 44,

those sentenced to penal transportation to Siberia or other remote governorates for life, with the loss of all rights and privileges, special and appropriated personally and according to their position, are to be placed under police supervision upon release from temporary imprisonment.³⁰

²⁷ Kazakov, *The Lawyer*, 113.

²⁸ *Code of Criminal and Correctional Penalties*, 567.

²⁹ *Code of Criminal and Correctional Penalties*, 33–34.

³⁰ “Postanovlenie Rybinskogo okruzhnogo suda po delu S.P. Smirnova. 1873 g.” [Resolution of the Rybinsk District Court on the Case of S.P. Smirnov. 1873]. F. 37, op. 1, d. 797, l. 38–38 ob. RbF GAYaO.

The Code distinguished three types of bodily injury: wounds, mutilations, and other health disorders. Wounds (Articles 1481 and 1482 of the Code) included violations of the integrity of the outer coverings of the body with simultaneous destruction of internal tissues, i.e. not abrasions and scratches but more serious injuries.³¹

Article 1477 included liability for causing the most serious bodily harm – serious mutilation (deprivation of organ function), committed with intent, with the conscious effort to achieve an objective. Types of less serious mutilation are listed in Article 1478.³² This article specifically highlights “piercing the hymen with a finger.” However, for example, in one of the cases of 1876 in Yaroslavl Governorate, the Moscow Juridical Chamber recognized such an action as causing minor mutilation and did not punish the perpetrator at all.³³

If beatings resulted in miscarriage, in addition to Articles 1492 and 1489, Article 1491 of the Code was applied, which included notes on victim’s pregnancy, according to which even if the specified result was not desired, the guilty party was sentenced to penalty under Articles 1477–84 and 1486–90, meaning most severe penalty possible. However, the severity was different in each article, which established the penalty for different types of infliction of bodily harm. Consequently, even light beatings that led to the death of unborn child had to be penalized in the most severe way. Nevertheless, in practice, penalties could be avoided altogether. For example, in 1903, V. Polyakov, a peasant from Yaroslavl Governorate, managed to escape any punishment. After two years of marriage, he began to systematically beat his wife, dragging her by the hair, despite her pregnancy. The peasant did not admit his guilt and stated that his wife wanted to get rid of the child herself and that beatings were not that severe. Despite the refutation of his testimony by witnesses, the jury unanimously took the side of the defendant.³⁴

After being released from working in correctional prison departments under Article 48 of the Code, an offender had to remain under further supervision of society for another four years. Moreover, it was prohibited to live in governorates’ principal cities of cities and the capitals. Consequently, such penalties also had an impact on

³¹ Kazakov, *The Lawyer*, 113.

³² *Code of Criminal and Correctional Penalties*, 607.

³³ “Reshenie Moskovskoi sudebnoi palaty po delu M. Petrovoi. 1876 g.” [Decision of the Moscow Court of Justice on the case of M. Petrova. 1876]. F. 271, op. 1, d. 257, ll. 25–27. RbF GAYaO.

³⁴ “Obvinitel'nyi akt o krest'yanine V.E. Polyakove. Rezolyutsiya suda. 1903 g.” [Indictment of peasant V.E. Polyakov. Resolution of the court. 1903]. F. 346, op. 4, d. 5606, ll. 2a–3, 26. Gosudarstvennyi arkhiv Yaroslavskoi oblasti [State Archive of Yaroslavl Oblast] (GAYaO), Yaroslavl, Russia.

family life. For example, a person could not leave to earn money in large cities. Police supervision was appointed if society refused to take an offender under its supervision.³⁵

The consideration of criminal cases related to bodily integrity usually involved a combination of articles of the Code containing information about the exact type of crime, the exact type of bodily injury, and any references to the special status of a woman (her pregnancy). For example, in cases of torture, Articles 1583, 1489, 1492 of the Code of Penalties were mentioned, as in the case of 1871–72 against V. Kachalov, a private from among petty bourgeois of Yaroslavl Governorate. He was deprived of all rights and privileges and a bronze medal and imprisoned in a correctional prison department of a civil department for 2 years and 9 months for systematic cruelty against his wife. The reason for bringing him to justice was the case when his wife went to complain about him to the foreman, but Kachalov caught her and dragged her by hair a quarter of a verst home. At home he “beat her completely,” tied her hands and feet, restrained her, spat in her eyes, threatened to kill her, tied her shins to her knees with a rope and began to drag her on the floor, having first doused her with slops from a trough and two ladles of water.³⁶

Cases of mistreated wives seeking help can also be found among the divorce cases preserved in the collection of the Chancellery of the Holy Synod in the Russian State Historical Archive. The case of O. Frederiks, wife of the collegiate registrar of Tver Governorate, contains an example of the application of one of the strictest (of those discovered) penalties for beatings. In this petition, she applied for divorce from her husband. As a result of this case for cruel treatment of his wife, her husband was committed to church repentance in 1868, and also deprived of all special rights and privileges and sent to Irkutsk Governorate “for life” with a ban on “any absence from the place” for 5 years, and then with a ban on travelling to other governorates and regions of Siberia for another 12 years.³⁷

In some cases of torture, the court decided on the need to determine the mental state of the accused. For instance, the archival fonds of the Tver District Court contains a case on the examination of the mental abilities of S. Kuznetsov, a peasant who bit off a piece of his wife’s nose and cut off parts of her flesh; beatings twice led

³⁵ *Code of Criminal and Correctional Penalties*, 39–40.

³⁶ “Kopiya opredeleniya Moskovskoi sudebnoi palaty po delu ryadovogo Kachalova. Rezolyutsiya suda. 1872 g.” [Copy of the resolution of the Moscow Court Chamber on the case of private Kachalov. Resolution of the court. 1872]. F. 37, op. 1, d. 3866, ll. 2–3, 66. GAYaO.

³⁷ “Proshenie zheny kollezhskogo registratora Tverskoi gubernii O. Frederiks o razvode s ee muzhem. 1868 g” [Petition of O. Frederiks, wife to a collegiate registrar of Tver Governorate, to divorce her husband. 1868]. F. 796, op. 151, d. 483 (1), l. 2–2 ob. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive], St Petersburg, Russia.

to miscarriages. Mental abilities in such cases were synonymous with mental state, specific testing methods were not specified, and the conclusion described the appearance and results of observation of the mental sanity of the accused. Kuznetsov was subjected to observation in a special hospital for the mentally ill in the Burashevskaya colony, and the doctors came to the conclusion that he was “currently mentally healthy. The criminal acts attributed to him (repeated torture of his wife) were committed in a state of complete unconsciousness under the influence of alcoholic delirium, into which he repeatedly fell.” The peasant was released from the Burashevskaya colony and further kept in the Staritskaya prison.³⁸

It should also be noted that those accused of crimes “against bodily integrity” could diminish or completely avoid any penalty. Let us consider the exact ways how they managed to do so.

Reduction of guilt and therefore penalty occurred in the following cases:

1. Repentance “based on one of the first convictions or admonitions during interrogation” (P. 2, Art. 134 of the Code). Jurors could find that the defendant deserved leniency and reduce the penalty by one or two degrees (Art. 828 of the Code). For instance, in 1873, jurors found that S. Smirnov, a former clergyman and honorary citizen of Yaroslavl Governorate, who tortured his wife (he was violent, treated her cruelly, cut her hands with a knife, and promised to kill) deserved leniency. They referred to the fact that he had confessed to the crime in court, with the exception of the cuts (allegedly the wife had injured herself). Despite the fact that the accused “acted with conscience,” the first degree of Article 31 was replaced by the third degree. In accordance with Appendix II to Article 70, only a ban on leaving one’s place of residence for one year was chosen, followed by a ban on leaving the country for 4 years under Article 44. His temporary detention was cancelled altogether.³⁹

2. Evidence of incitement to a crime by insults and abuse on wife’s part (P. 5, Art. 134 of the Code).

3. Lack of legal literacy of a woman. In some cases, for some unclear reason, there is no information about any medical examination, without which it was simply impossible to achieve justice. Due to the lack of evidence, not only was the penalty not that serious, but the case could be closed altogether.

³⁸ “Zaklyuchenie ob osvidetel'stvovanii krest'yanina Staritskogo uezda S. Kuznetsova v sostoyanii umstvennykh sposobnosti. 1906 g.” [Decision on the examination of peasant of Staritskii Uyezd S. Kuznetsov on the state of his mental abilities. 1906]. F. 660, op. 3–3, d. 3766, l. 3–3 ob. GATO.

³⁹ “Protokol zasedaniya i postanovlenie Rybinskogo okruzhnogo suda po delu S.P. Smirnova. 1873 g.” [Minutes of the meeting and resolution of the Rybinsk District Court on the Case of S.P. Smirnov. 1873]. F. 37, op. 1, d. 797, ll. 29–30, 37–38 ob. GAYaO.

In addition, there was some chance of avoiding any penalty at all, often due to circumstances beyond the control of a guilty party:

1. If injuries were not recorded following a medical examination, no serious consequences of beatings were noticed on the victim's body, and no neighbors saw these assaults happening, the court did not take the plaintiff at her word. In such cases, even her education could not help. For instance, in 1875, V. Raeskaya, an official of Yaroslavl Governorate, demanded a divorce because "her husband cursed her daily, beat, and strangled her." The prosecutor announced his decision, according to which "the spouses were obliged to live together. Any acts tending to the arbitrary dissolution of spouses were prohibited." Since the only witness called to attend the trial did not confirm the commission of a crime, a medical examination was not ordered.⁴⁰

2. When both or one of the interested parties, i.e. the plaintiff, failed to appear. This happened, for example, in 1899, when the Tver District Court considered a case concerning a peasant family of the Vasil'evs.⁴¹

3. Even when a case was being heard in the district court and sent to this instance due to the seriousness of harm that injured health of victims, some women reconciled with their spouses. According to Article 157 of the Code, reconciliation before the execution of a sentence cancelled any penalty altogether. The presiding judge was to announce at the district court session that "the case was being heard as a private prosecution and could be terminated following the reconciliation of the parties," and then suggested that spouses reconciled. For instance, in 1870, the investigation into the case of cruel treatment of his wife by N. Vikhorev, a merchant of Tver Governorate, was terminated due to the reconciliation of the spouses. As a result, the victim's husband escaped penalty despite the fact that, according to the plaintiff, her husband repeatedly punished her with rods and beat her, as a result of which she prematurely gave birth to two stillborn babies.⁴²

⁴⁰ "Postanovlenie mirovogo suda po delu V.E. Raevskogo. 1875 g." [Resolution of the Magistrate's Court on the Case of V.E. Raevsky. 1875]. F. 17, op. 1, d. 17, ll. 9 ob.–10 ob. Gosudarstvennyi arkhiv Yaroslavskoi oblasti v Rostove [State Archive of Yaroslavl Oblast in Rostov], Rostov, Russia.

⁴¹ "Opredelenie Tverskogo okruzhnogo suda o prekrashchenii sledstviya po delu Vasil'evykh za neyavkoi obvinitel'nitsy. 1899 g." [Decision of the Tver District Court on the termination of the investigation on the Vasil'evs' case due to the failure of the prosecutor to appear in court. 1899]. F. 660, op. 3–2, d. 2857, l. 2–2 ob. GATO.

⁴² "Opredelenie Tverskogo okruzhnogo suda o prekrashchenii sledstviya po zhalobe M. Vikhorevoi na zhestokoe obrashchenie muzha vsledstvie primireniya suprugov" [Decision of the Tver District Court on the termination of the investigation on the complaint of M. Vikhoreva about her husband's ill-treatment due to reconciliation of the spouses]. F. 660, op. 3–2, d. 2495, l. 2–2 ob. GATO.

4. Longer consideration of cases also affected their outcome, since if a plaintiff did not live to see the trial without a direct connection to beatings, the accused husband did not face any penalty. In some cases, the progress of the trial was not accelerated even after numerous complaints from the victim to various authorities. S. Savel'ev, a Yaroslavl tradesman, beat his wife more than once and even once wanted to kill her with a stone (according to her words, *she* was however not proven). During the consideration of the case by police officials in 1864–67, beatings intensified, the victim asked to speed up the case and transfer it to further investigation. The medical department recognized beatings as severe, which was reported to the district court. However, almost 2.5 years after filing the complaint, the woman died, and the case was subsequently closed. Thus, Savel'ev avoided the penalty which was specified either in Article 31 of the Code (work in correctional prison departments for 1–1.5 years or exile) or in Article 1482 (imprisonment for a period from 8 months to 1 year and 4 months for inflicting “one wound or several lighter wounds with deliberate intent or design”).⁴³

However, during the period under study, women could still count on some protection from the judicial authorities. Firstly, a victim could begin living separately from her husband. Secondly, she had the right to ask her husband to sign a written undertaking not to insult her or come to her new place of residence (often her father's or neighbors' house). In the case of tradesman Savel'ev considered above, assistant police superintendent from the 1st police station took such a written undertaking from the defendant, which allowed him to come to his wife's new place of residence only to see their children.⁴⁴

The prison term, even for serious beatings, was often short, up to one year, after which cruel and aggressive husbands returned home being even more embittered and feeling offended by their wives. The only thing that could protect the latter to some extent was to secure separate accommodation. However, a husband could find his wife in her new place of residence as well. Archival documents record cases where husbands broke into their wives' houses and tried to take their children away.

⁴³ “Meditinskoe osvidetel'stvovanie istitsy po delu S.F. Savel'eva. Dopolnenie istitsy k proizvodstvu dela. Meditsinskoe zaklyuchenie o priznanii nanesennykh istitse poboev tyazhelymi. Perepiska o smerti istitsy i otsutstvii dokazatel'stv zhestokogo obrashcheniya s nei so storony muzha. 1864–1867 gg.” [Medical examination of the female plaintiff in the case of S.F. Savel'ev. Addendum of the plaintiff to the proceedings of the case. Medical report on the recognition of beatings inflicted upon the plaintiff as severe. Correspondence about the death of the plaintiff and the lack of evidence of ill-treatment of her by her husband. 1864–1867]. F. 196, op. 1, d. 4654, ll. 13–13 ob., 18–18 ob., 68, 72. GAYaO.

⁴⁴ “Podpiska otvetchika S.F. Savel'eva pomoshchniku pristava o zaprete poseshcheniya zheny. 1864–1867 gg. “[Signed statement of defendant S.F. Savel'ev to the assistant police superintendent about the prohibition to visit his wife. 1864–1867]. F. 196, op. 1, d. 4654, l. 19. GAYaO.

Unfortunately, many women who were subjected to physical violence did not always receive any sympathy from the authorities. For instance, in 1876, M. Petrova, a peasant woman from Yaroslavl Governorate, was arrested at the volost administration after leaving home (she had gone to her father three times before), her husband, who beat her because of his impotence, and her in-laws, who gave her “witchcraft potions.” The plaintiff filed a lawsuit against her husband, who “treated her like cattle, beat her without any cause,” but the court found no grounds for holding him accountable, the case was closed, and the volost elder urged her to return to her husband.⁴⁵

Cases of beatings could be decided in another institution. If the accused belonged to the clergy, they were heard by the religious consistory. The following stages of such cases’ consideration can be distinguished: (1) addressing a complaint to a local dean; (2) admonition of a husband by the dean; (3) if the admonitions were in vain, a plaintiff’s complaint to the religious consistory addressed to the archbishop; (4) conducting a formal investigation by a religious investigator; (5) interrogation of witnesses (in the presence of a deputy from the civil side) by a local dean alone or with an assistant (if necessary), among other things, on the subject of the husband’s “serviceability”; (6) transfer of the results of such an interrogation to the bishop; (7) decision by the religious consistory. It should be noted that two similar cases we found in the religious consistory were resolved in a relatively short time, four and nine months, and in both cases the spouses reconciled.

Conclusion

Thus, the legislation of the second half of the 19th – early 20th century specified exact penalties for domestic abuse. Wife battering was penalized equally or even more severely than violence committed against strangers. On the one hand, the authorities strictly followed the law and observed all the main stages of legal proceedings: investigation; interrogation of witnesses; examination by a doctor. On the other hand, no compliance with legal norms was ensured to the proper extent in practice. Therefore, the period under consideration was characterized by both positive and negative features of the system of punishment of husbands for wife battering. Formally, women were given the opportunity to complain about cruel husbands to various authorities, but the effectiveness of these complaints was not high, for even cruel treatment and torture were quite difficult to prove.

There were many reasons for conflicts between a husband and a wife. However, patriarchal values and traditions were the main reason why wife battering could not

⁴⁵ “Proshenie istitsy M. Petrovoi mirovomu sud'e. 1876 g.” [Petition of plaintiff M. Petrova to the justice of the peace. 1876]. F. 271, op. 1, d. 257, l. 2. RbF GAYaO.

be eliminated from the everyday life of families, especially the families of provincial, rural, and village residents. When family problems arose, such values “prompted” that punishing his wife with beating could go for a husband without any consequences at all; meanwhile she was taught that she should obey and “not wash dirty linen in public.” Conflicts with wives, developing into mutilation, occurred not only among illiterate and poor peasants, but they were inherent in various classes, including the clergy.

Cruel husbands were rarely penalized. Cases were often closed due to the reconciliation of the parties, insufficient evidence, or failure of the parties to appear at the court hearing. Most of the conflicts never reached district courts, ending up in inferior instances. Thus, district courts considered only those cases, in which the lives and health of women were in serious danger.

By modern standards, the punishments for crimes of this kind were quite lenient. To ease their lot, men did not confess to cruelty towards their wives but admitted their guilt only in light beatings or quarrels. They claimed that they allegedly did not understand why their spouses refused to live with them any longer and even stated that they hid their wife’s “misdeeds,” “not wanting to dishonor her,” clearly trying to defame the plaintiff’s image.

Often, penalty only further embittered a husband, and actually trapped him and his wife in a vicious circle of marital conflict. Secular authorities could prevent the parties from separating even while separating could have stopped domestic violence. Wives who had fled from oppression were brought back, they were even arrested for “incentive purposes,” and painful actions of men that threatened health and life of their wives were not recognized as serious offenses. Unbearable family life and threats to their health forced women to leave home and live separately from their husbands.

We did not find cases with repeated appeals by victims either because they were poorly preserved or because the spouses may have informally separated and lived separately without seeking divorce from religious consistories or secular judicial institutions due to actions “against bodily integrity.”

As for regional peculiarities, it should be noted that regardless of the distance from the center of the empire, cases of wife battering were resolved in a similar way: they were equally long and unfair towards the women who suffered. Meanwhile the proceedings were clearly structured and did not differ from what was conducted on other issues. The probable reason for the latter was the strict and detailed regulation of the stages of judicial proceedings, in contrast to the legislation on wife battering, in which many “escape routes” could be found.

Список литературы

- Безгин В.Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. Москва: Ломоносовъ, 2017. 248 с.
- Безгин В.Б. Убийство супруга(и) в крестьянской семье (конец XIX – начало XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 27–30.
- Богомаз А.П. Преступница или жертва: домашнее насилие в России в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Тверской губернии) // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2015. № 2. С. 143–153.
- Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) / под редакцией М.Г. Муравьевой, Н.Л. Пушкаревой. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 200 с.
- Казаков М.Ф. Адвокат. Иск и защита. Пособие для самостоятельного ведения гражданских дел и уголовных защит и для подготовки к экзамену на звание частного поверенного. Москва: «Правоведение» И.К. Голубева, 1912. 264 с.
- Курас Т.Л. Общая характеристика судебных палат в Российской Империи (на примере Московской палаты) // Власть. 2012. № 7. С. 121–123.
- Лантева Л.Е. Домашнее насилие: сила традиции // Genesis: исторические исследования. 2017. № 9. С. 92–105.
- Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2018. 736 с.
- Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. Санкт-Петербург: Р. Асланов, Юридический центр Пресс, 2006. 270 с.
- Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.) / под редакцией М.Г. Муравьевой. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011. С. 190–217.
- Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин: истоки и последствия гендерной асимметрии русской повседневности XI–XIX вв. // Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) / под редакцией М.Г. Муравьевой, Н.Л. Пушкаревой. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 11–52.
- Родина И.В. Родственно-семейные отношения насилия и зависимости в обычаях и нормах России: исторический аспект // Общество и право. 2006. № 3 (13). С. 17–25.

References

- Bezgin, V.B. *Povsednevnyi mir russkoi krest'yanki perioda pozdnei imperii* [The Everyday World of the Russian Peasant Woman of the Period of Late Empire]. Moscow: Lomonosov", 2017. (In Russian)
- Bezgin, V.B. "Ubiistvo supruga(i) v krest'yanskoi sem'e (konets XIX – nachalo XX veka)" [Murder of a spouse in a peasant family (late 19th – early 20th century)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1 (63) (2016): 27–30. (In Russian)

Bogomaz, A.P. “Prestupnitsa ili zhertva: domashnee nasilie v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (na materialakh Tverskoi gubernii)” [A female criminal or a victim: Domestic violence in Russia in the late 19th – early 20th centuries (according to the materials of Tver Governorate)]. *Vestnik TvGU. Seriya: Istoriya*, no. 2 (2015): 143–53. (In Russian)

Kazakov, M.F. *Advokat. Isk i zashchita. Posobie dlya samostoyatel'nogo vedeniya grazhdanskikh del i ugovolnykh zashchit i dlya podgotovki k ekzameni na zvanie chastnogo poverennogo* [The lawyer. Suit and defense. Manual for independent conduct of civil cases and criminal defense and for preparation for the examination for the title of private attorney]. Moscow: “Pravovedenie” I.K. Golubeva, 1912. (In Russian)

Kuras, T.L. “Obshchaya kharakteristika sudebnykh palat v Rossiiskoi Imperii (na primere Moskovskoi palaty)” [General characteristics of court chambers of the Russian Empire (Based on the example of the Moscow Chamber)]. *Vlast'*, no. 7 (2012): 121–23. (In Russian)

Lapteva L.E. “Domashnee nasilie: sila traditsii” [Domestic violence: the power of tradition]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, no. 9 (2017): 92–105. (In Russian)

Mukhina, Z.Z. *Russkaya krest'yanka v poreformennyi period (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Russian peasant woman in the post-reform period (second half of the 19th – beginning of the 20th century)]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. (In Russian)

Murav'eva, M.G., and N.L. Pushkareva, eds. *Bytovoe nasilie v istorii rossiiskoi povsednevnosti (XI–XXI vv.)* [Domestic violence in the history of Russian everyday life (11th–21st centuries)]. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012. (In Russian)

Nizhnik, N.S. *Pravovoe regulirovanie semeino-brachnykh otnoshenii v russkoi istorii* [Legal regulation of family and marital relations in Russian history]. St Petersburg: R. Aslanov, Yuridicheskii tsentr Press, 2006. (In Russian)

Pushkareva, N.L. “Pozoryashchie nakazaniya dlya zhenshchin v Rossii XIX – nachala XX v.” [Shaming punishments for women in Russia, 19th – early 20th century]. In *Vina i pozor v kontekste stanovleniya sovremennykh evropeiskikh gosudarstv (XVI–XX vv.)* [Guilt and shame in the context of the formation of modern European states (16th – 20th centuries)], edited by M.G. Murav'eva, 190–217. St Petersburg: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, 2011. (In Russian)

Pushkareva, N.L. “Pozoryashchie nakazaniya dlya zhenshchin: istoki i posledstviya gendernoi asimmetrii russkoi povsednevnosti XI–XIX vv.” [Disgraceful punishments for women: the origins and consequences of gender asymmetry in Russian everyday life in the 11th – 19th centuries]. In *Bytovoe nasilie v istorii rossiiskoi povsednevnosti (XI–XXI vv.)* [Domestic violence in the history of Russian everyday life (11th–21st centuries)], edited by M.G. Murav'eva, and N.L. Pushkareva, 11–52. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012. (In Russian)

Rodina, I.V. “Rodstvenno-seimeinye otnosheniya nasiliya i zavisimosti v obychnykh i normakh Rossii: istoricheskii aspekt” [Kinship and family relations of violence and dependence in Russia's customs and norms: a historical aspect]. *Obshchestvo i pravo*, no. 3 (13) (2006): 17–25. (In Russian)

Информация об авторах

Александра Владимировна Спичак – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории комплексных исследований социальных систем, <https://orcid.org/0000-0003-2223-8039>, spichak-89@mail.ru, Нижневартковский государственный университет (д. 56, ул. Ленина, 628600 Нижневартовск, Россия).

Олеся Викторовна Ванюшина – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0003-4754-725X>, vanyushina_olesy@mail.ru, Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний (д. 17, ул. Вагжанова, 170100 Тверь, Россия).

Юлия Александровна Кривошеева – кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-2116-1984>, y.krivosheeva@uniyar.ac.ru, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (д. 14, ул. Советская, 150003 Ярославль, Россия).

Information about the authors

Aleksandra V. Spichak – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Research Laboratory for Complex Studies of Social Systems, <https://orcid.org/0000-0003-2223-8039>, spichak-89@mail.ru, Nizhnevartovsk State University (56, ul. Lenina, 628600 Nizhnevartovsk, Russia).

Olesya V. Vanyushina – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, <https://orcid.org/0000-0003-4754-725X>, vanyushina_olesy@mail.ru, Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service (17, ul. Vagzhanova, 170100 Tver', Russia).

Yulia A. Krivosheeva – Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-2116-1984>, y.krivosheeva@uniyar.ac.ru, P.G. Demidov Yaroslavl State University (14, ul. Sovetskaya, 150003 Yaroslavl', Russia).

Заявленный вклад авторов

Определение цели и задач исследования на основе изучения научной литературы; написание основной части текста – А.В. Спичак (доля вклада автора – 40 %).

Определение круга источников, сбор данных и их анализ – О.В. Ванюшина (доля вклада автора – 30 %), Ю.А. Кривошеева (доля вклада автора – 30 %).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contributions Statement:

Determining the purpose and objectives of research based on the study of scholarly literature; writing the main part of the text by Aleksandra V. Spichak (the share of the author's contribution is 40%).

Determining the range of sources, collecting and analyzing data by Olesya V. Vanyushina (the share of the author's contribution is 30%), Yulia A. Krivosheeva (the share of the author's contribution is 30%).

The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 09.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.